

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ностальгия и преступления

Предисловие	6
История литературы по ностальгии	8
Французская литература о тоске по родине	35
Развитие судебной точки зрения	40
Тоска по родине, не ведущая к разрядке в преступлении . . .	53
Преступления из-за тоски по родине. Изложение историй и их оценка	61
Бред ревности	155

К анализу ложных восприятий

Иллюзии	292
Галлюцинации, перемещающиеся в соответствии с движениями глаз	293
Галлюцинации, имеющие устойчивую локализацию в пространстве	293
Переживания при изменении сознания мы не затрагиваем	345
Учение о реактивных психозах	369
Примечания	434

НОСТАЛЬГИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже долгое время интерес вызывают совершенные с невероятной жестокостью и крайней беспощадностью преступления (убийства и поджоги), которые осуществлялись нежными созданиями, юными и добросердечными, находящимися еще в детском возрасте девочками. Противоречие между преступлением и преступницей, отсутствие мотивов или недостаточная мотивированность и поэтому загадочность и необъяснимость событий вызывали сочувствие или отвращение.

С давних пор часть этих индивидов единодушно признавали слабоумными и/или нравственными идиотами. Вызванные незначительными поводами аффекты или слепые импульсы приводили их к преступлению. Более ста лет назад наряду с этим в качестве собственно причины уже рассматривали ностальгию. Благодаря труду Вильманнса «Ностальгия и импульсивный психоз» снова был поднят на долгое время забытый вопрос о значении этого состояния для совершения преступления и его психиатрической оценки. Так как одни утверждения противоречат другим, хотя суть этих случаев вообще в целом не была ясна, представляется уместным провести обобщающую обработку имеющегося в наличии скудного фактического материала в этой области, который мог бы внести некоторую ясность в эти вопросы, хотя, конечно, не в состоянии решить их.

С этой целью сначала было проведено историческое исследование тех взглядов на ностальгию и ее значение, которые господствовали донныне. Эта часть приобрела определенный самостоятельный интерес. Нам показалось, что не будет излишним провести в этой совсем неболь-

шой области предварительную работу для будущих историков психиатрии, тем более, что стало ясно, что ностальгия раньше имела в представлении врачей намного большее значение, чем сегодня.

Далее была сделана попытка свести все описанные до сих пор случаи преступлений, вызванных ностальгией, часть которых разбросана по труднодоступным сочинениям. И хотя описания большей частью, конечно же, не соответствуют требованиям современной психиатрии — вряд ли есть хоть один случай, по поводу которого не возникли бы вопросы, касающиеся фактически происшедшего, — тем не менее они представляют единственный фактический материал по нашей проблеме. Кроме того, они настолько интересны благодаря своей специфичности и редкости, что не заслуживают совершенного забвения. В связи со скудностью наблюдений, а также историческим интересом, приведены также и давние случаи, о которых сообщалось только очень кратко.

Происшествия такого рода встречаются, конечно же, и сегодня, о чем свидетельствуют два случая, наблюдавшиеся несколько лет назад в Гейдельбергской клинике. Первый был уже описан Вильманнсом, второй найдет свое место в этом сочинении, наряду с другими, которые могут быть воспроизведены только по судебным делам. Дать в руки по возможности полно материал для сравнения с подобными случаями в будущем и осветить точки зрения, которые принимаются в соображение при их осмыслении, — главная цель этой работы.

Выражаю мою благодарность господину доктору Вильманнсу за импульс и поддержку в работе. Он обратил мое внимание на большую часть литературы и предоставил мне свое заключение об Аполлонии С. В особенности же мнение, что имеются расстройства на почве тоски по дому, ведущие к преступлениям, хотя виновницы и не являются интеллектуально или нравственно слабоумными, исходит от него.

Благодарю господина профессора Ниссла за то, что он дал мне разрешение работать в своей клинике и использовать ее вспомогательные средства, и господина Лонгарда за любезное предоставление двух заключений, которые воспроизведены в следующей работе.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО НОСТАЛЬГИИ

Слово «Heimweh»¹ (тоска по родине, по дому — прим. пер.) возникло в швейцарском диалекте 17-го века, когда оно впервые было введено специальной медицинской литературой в письменный язык, но, несмотря на это, оставалось швейцарским диалектным словом и лишь во времена романтизма перешло в общенемецкий языковой обиход. Не только благодаря возникновению этого слова история учения о тоске по родине в истоках тесно связана с общей историей литературы. Наряду с медицинскими работами в 18-м веке, идя навстречу сентиментальным наклонностям времени, возникло также множество популярных описаний болезни тоски по родине, которые, со своей стороны, оказали обратное действие на первых, так что в дальнейшем поэтическое творчество смешалось с медицинскими наблюдениями и критикой, что представляется интересным с исторической точки зрения, но для нашей специальной научной цели оказывается довольно неблагоприятным.

В 17-м веке была открыта болезнь тоски по родине как ностальгия. Вскоре она стала излюбленной темой, которая вызвала к жизни бесчисленные работы, в особенности диссертации. В учении о болезнях она приобрела, по-видимому, чрезвычайное распространение. Всюду она упоминается как тяжелое, часто смертельное страдание. Даже Ауенбруггер, открыватель перкуссии, указывает для ностальгии особое состояние. Во многих общемедицинских учебниках — психиатрических тогда еще не было —

она нашла свое место, когда еще отсутствовали судебные наблюдения.

В этой форме ностальгия была проработана во французской литературе в целом ряде сочинений вплоть до последней работы Бенуа. Подробно излагаются этнографические ракурсы, значение климата, телесные проявления, роль ностальгии у военных. Из судебных случаев во французских исследованиях найти ничего нельзя (о Марке см. ниже).

Иначе обстоят дела в Германии. В то время как во Франции ностальгическая литература, несмотря на ее объем за 100 лет, находится на том же уровне, в Германии движение вперед связано с исследованием судебного значения совершенных из-за тоски по родине преступлений. Возникли ясные постановки вопроса, противоположные, противоборствующие мнения, следствием которых стало формирование концепции большинства психиатров первой половины 19-го века. Затем интерес к тоске по родине стал угасать все больше и больше. В судебно-психиатрических трудах она все еще кратко упоминается. Состояния, которые раньше причислялись к ней, благодаря развитию науки были отграничены, пока к нашему времени они не были преданы почти забвению.

После этого общего обзора перейдем к специальному изображению развития учения о ностальгии. Сначала речь пойдет о литературе по тоске по родине в том полном объеме, который она обрела благодаря распространению понятия ностальгии на много других болезней, затем о реферировании французских работ и, наконец, о развитии судебной точки зрения. Такое деление на три части обосновано, так как отдельные области оказывают друг на друга лишь небольшое влияние; французские и немецкие работы почти совсем не имеют точек соприкосновения. На судебное изыскание подействовало, вероятно, старое учение о болезни ностальгии, но оно развивалось совершенно независимо и самостоятельно.

В 1678 г. Иоан. Хофер² издал под руководством своего учителя Иоан. Як. Хардера в Базеле в качестве диссертации маленькую работу на латинском языке, в которой он обратился к «новой теме», которая еще не была описана ни одним врачом. Речь идет о болезни, называемой в швейцарском диалекте Heimweh, во Франции mal du pays³. Он дает этому меткое название — ностальгия. В 12 тезисах он приводит в точной форме свои воззрения, которые по методу и результату являются выражением тогдашнего научного медицинского способа работы.

От «людей, достойных доверия», он узнал два случая, которые наряду с другими реминисценциями предоставили ему опытную базу для работы.

Один молодой студент из Берна заболел в Базеле: его лихорадило, охватывало состояние страха, добавились тяжелые симптомы — и уже ожидали его смерти, когда аптекарь, который хотел сделать по предписанию врача клизму, узнал это состояние, определил его как тоску по родине и заявил, что нет никакого другого средства, кроме возвращения на родину. Прямо на глазах этому мужчине стало лучше, в дороге ему стало совсем хорошо, и в Берн он прибыл здоровым.

Второй случай касается молодой девушки, которая, доставленная больной в больницу, в ответ на все вопросы, на все попытки лечения все время только произносили слова «я хочу домой, я хочу домой».

Дома она выздоровела за несколько дней, без применения лекарственных средств.

Хофер отмечает, что ностальгии подвержены прежде всего молодые люди, в особенности те, которые жили дома со своими родными и никогда «не ходили в люди». Они не могли привыкнуть к чужим нравам, когда покидали дом. Они не могли обходиться без родных корней, день

и ночь тосковали по дому, и, если их стремление домой не осуществлялось, они заболели.

Предшествующие другие болезни, изменившийся образ жизни, изменение атмосферы и чужие обычаи способствуют вспышке ностальгии. В качестве признаков, которые дают основание опасаться ее появления, он называет антипатию к чужим обычаям, склонность к меланхолии из предрасположенности, сильное волнение из-за маленьких шуток в их адрес, отстраненность от чужих развлечений. Симптомами вспыхнувшей ностальгии являются: устойчивая печаль, мысли только о родине, нарушенный сон или длительное бодрствование, упадок сил, понижение аппетита и жажды, чувство страха, учащенное дыхание, оцепенение, непрерывная и интермиттирующая лихорадка.

Интерес представляет взгляды, которые развивает Хофер на этиологию, патогенез и местонахождение тоски по родине. В качестве местонахождения он рассматривает самую внутреннюю часть мозга, которая состоит из бесчисленных нервных волокон, в которых жизненные силы (*spiritus animates*) постоянно приливают и отступают. Сущность болезни состоит в расстроенной силе воображения; причем жизненные силы переходят через «полосатый» холм, в котором находится идея отечества, и таким образом пробуждают в душе только эту идею. От этого они становятся в конце концов уставшими, истощенными, запутанными и действуют неумело, так что вызывают игру воображения. Это почти постоянное сотрясение (*vibratio*) жизненных сил в волокнах белого вещества головного мозга, в которых отпечатались следы мыслей об отечестве, имеет следствием то, что если это происходит, занятая мыслями об отечестве душа не обращает на это внимания. Симптомы ностальгии возникают потому, что скованные жизненные силы больше не попадают в другие части мозга и не могут поддержать их естественные функции. Аппетит больше не возбуждается, желудочный сок теряет способность растворять пищу, пищевая кашица

проникает в кровь в более сыром состоянии, в более густой сыворотке крови возникает меньше, чем прежде, жизненных сил, и те немногие, что есть, из-за длительного экстаза духа в мозгу истощаются. От этого иссякают произвольные и рефлекторные движения, циркуляция крови замедляется, более густая кровь вызывает замедленное сердцебиение, растягивает сосуды и вызывает страх. Так в конце концов наступает смерть. Со словами: «...все это может произойти лишь из-за силы воображения», Хофер заканчивает этот абзац.

Прогноз ориентируется на то, можно ли больного вернуть на родину или нет. Терапия направлена на улучшение расстроенной силы воображения и ослабление симптомов. В отношении первой, если она еще не пустила прочных корней, он рекомендует слабительное, благодаря чему выводится балласт непереваренных веществ из пищеварительного тракта. Для ослабления симптомов он перевозит разные микстуры.

Вслед за этой работой Хофера со временем появилось несколько диссертаций, которые, насколько об этом можно судить по рефератам, не содержат ничего существенно нового (Верховитц, 1703; Такиус, 1707). Цвингер в 1710 г. издал работу Хофера в расширенном виде и дополнил ее некоторыми кратко изложенными случаями. Он подчеркивает, что причина тоски по родине чисто психологическая и вызывается часто случайностями, такими, как слушание песен альпийских пастухов. С тех пор пастушеская песня играет большую роль в ностальгической литературе⁴.

Своеобразно сочинение «О тоске по родине», которое написал знаменитый своим предполагаемым *homo diluvii testis*⁵ Шойхцер в своей «Естественной истории Швейцарии». Настоящей причиной тоски по родине является, по его мнению, изменение атмосферного давления. Швейцарцы живут в горах на нежном, легком воздухе. Их еда и напитки приносят в тело этот легкий воздух. Попав на равнину, тонкие волокна кожи сжимаются, кровь гонится в направлении против сердца и мозга, ее циркуляция за-

медляется и, если сопротивляемость человека не ликвидирует наносимый вред, появляется страх и тоска по родине. То, что заболевают в особенности молодые люди с нежной кожей и такие, которые питаются молоком, служит ему опорой в его мнении. Для лечения он рекомендует, опираясь на свою точку зрения, наряду с психическим воздействием, перемещение на более высокие горы и прием веществ, которые «содержат спрессованный воздух», чтобы повысить с их помощью давление в теле, такие, как селитра, порошок, молодое вино. В приложении он говорит о тоске по родине китов, которые заболевают этим недугом в южных водах также вследствие изменения давления.

В более поздней статье он с иронией выступает против профессора из Ростока Детхардинга. В работе *Disp. de Aere Rostockiano* (1705) он пишет о швейцарском воздухе, который своим нездоровьем и грубостью, якобы, делает души жителей глупыми. Якобы, именно по этой причине швейцарцев охватывает тоска по родине, поскольку они не могут переносить более чистый и здоровый воздух, «подобно тому дикому хмелю, который, привыкнув к зловонному навозу, не может легко прибавлять в росте где-либо в другом месте».

На это расхождение во мнениях между Шойхцером и Детхардингом еще раз обращает внимание Цедлер в 1735 г., но и этого недостаточно: в 1781 г. в Энциклопедии Крюнитцена старый спорный вопрос еще раз обсуждается в обширном сочинении, чтобы затем окончательно обрести покой (по Клуге, так же и следующее).

Вслед за Хофером, Шойхцером, Цвингером появляются теперь многочисленные популярные описания. В 1716 г. в Бреслау опубликовано сочинение о ностальгии или так называемой тоске по родине. В 1740 г. Кайсслер говорит в описании путешествия о так называемой тоске по родине, которой особенно подвержены бернцы.

В 1755 г. в одном лейпцигском еженедельнике можно было прочитать «моральные мысли о тоске по родине»

длиною в 32 страницы. Появившиеся в конце века труды Штиллиндера («Тоска по родине», роман) и Ут. фон Залиса («Картинная галерея больных тоской по родине») посвящены небесной тоске по родине и подобному, параллелизация предположительно сходных или даже идентичных чувств, которые, иногда используемые поэтами, играют заметную роль и в новейшей брошюре Маака «Тоска по родине и преступления».

В медицинской литературе ностальгия становится снова и снова упоминаемым и описываемым понятием болезни, которое на долгое время занимает свое законное место в нозологической системе: Халлер (1754), Линней: *Genera morborum* (1763). Последний приводит под классом «*morbi mentales*» des ordo «*pathetici*» род «ностальгия» *das genus «Nostalgia»*⁶. Он создает шведский перевод *Hemsjuka*. Ван Свитен объявил тоску по родине причиной меланхолии и цинги, которая возникает, якобы, из-за изменения черной желчи⁷. Выдающиеся медики конца 18-ш века, по-видимому, регулярно упоминали ее, так, например, Куллен (Эдинбург) упоминал ее как вид меланхолии, Соваж (Монпелье) так же, Загар (Вена) — как род *vesaniae*. Последний рассказывает о самом себе (*Syst. morb. sympt. S 732 zit. nach Vogel*), что он страдал ностальгией, сопровождаемой отвращением к еде, запором, водянкой, бессонницей и слабостью. Как только он вернулся в свое отечество, то поправился без лекарств. Соваж установил четыре симптома: «*morositas, pervigilio, anorexia, asthenia*» Пот (1768), Медицинская справочная энциклопедия (1782).

Снова и снова появлялись также самостоятельные работы (*Pensees d'un allemand sur la nostalgie*, 1754; Хюбер, 1775), именитые врачи подробно рассматривают эту болезнь. Знаменитый Ауенбруггер в своем «*Inventum novum etc.*» (1761) находит изменение перкуторного звука у больных тоской по родине (*sonitus obscurus*), с одной стороны, и постоянно опадение и нагноение легких, обнаруженные при вскрытии. Несколько лет назад болезнь часто наблюдалась в австрийской армии, теперь реже с тех пор, как

солдатам было дано обещание, что по истечении срока службы они смогут вернуться в свои родные края.

Й. Б. Циммерман⁸ (1774) подчеркивает, что, хотя тоска по родине швейцарцами приписывается только самим себе, она встречается и во многих других местах. Ее можно наблюдать у бургундских солдат и нередко у шотландцев. Особенно часто она наблюдается у сопротивляющихся насильной вербовке солдат в Англии. Едва они возвращаются на родину, их силой тащат на другой корабль, — и тысячи умирают от ностальгии. Внезапное возвращение в отечество творит терапевтические чудеса. Циммерман рассказывает случай, который повторяется еще иногда позже.

«Одному студенту медицины в Геттингене, уроженцу Берна, в тоске по родине взбрело в голову, что у него лопнет самая большая в теле артерия. Поэтому он почти совсем не отваживался больше покидать свою комнату. Однако в тот день, когда его отец позвал обратно домой, он с триумфом обегал весь Геттинген, попрощался со всеми знакомыми и на третий день чрезвычайно бодрым сел в зимнюю повозку в Касселе. Тогда как два дня назад он при виде самой маленькой лестницы выпускал воздух из живота. Позже в другом месте он еще раз заболел ностальгией. Только дома он бодр и здоров».

Картхойзер (1771) считает объяснение Шойхцера ностальгии изменением атмосферного давления очень убедительным, однако только этого недостаточно. Также одни и те же психические влияния могли бы и вызвать, и вылечить ностальгию.

Наконец в 1783 г. геттингенский профессор Блуменбах на основании поездки в Швейцарию сделал пространные заметки о тоске по родине. Без малейших сомнений он считает ясным, что это настоящая душевная болезнь, которая имеет основу во внутренних чувствах, а не, как считал имеющий заслуги в других отношениях Шойхцер,

в недостаточном горном воздухе. Некоторые кантоны, и как раз самые горные, не подвержены тоске по родине, например, Гларус. Сильнее всех страдают от нее аппенцельцы, исключительно кочевой народ. Причина ностальгии лежит в присущем всем людям предпочтении *dulce natale solum*⁹. Достаточно чувствительного контакта, чтобы вызвать сначала одиночество, тоску, уныние и в конце концов безумие. Быстро появляется отсутствие аппетита и протрация, но так же невероятно быстро и выздоровление. Кажется, как будто в таких состояниях, как и вообще при безумии, тело, как часы, равномерно приостанавливает ход, чтобы впоследствии снова прийти в движение. Блуменбах отмечает, что швейцарцев охватывает тоска по родине и в сердце Швейцарии. В заключение он рассказывает некоторые часто повторяемые истории:

Несколько жителей Энтлибуха устроили в Париже высокогорную сыроварню. Когда работа прекратилась, они впали в тоску по родине. Аналогично обстояли дела с лапландцами и их северными оленями в Мадриде. Звери не выдержали и подошли. После этого заболели люди. Гренландцы в 1656 г. из Копенгагена отправились в полной отчаяния тоске по родине на байдарках в Америку, при этом большинство погибло. Оставшиеся умерли от ностальгии.

Северяне и швейцарцы более подвержены этому заболеванию. В качестве причины может рассматриваться привычка к великолепным впечатлениям природы и простота нравов.

После публикации Блуменбаха появляется еще одна статья Дица в немецкой энциклопедии 1790 Г. Последний присоединяется к мнению Ауен'бруггера, но считает, что особенно часто подвержены этому заболеванию швейцарцы. Это Халлер относит на счет государственной конституции и обычая возвращаться и жениться только среди своих. В общей энциклопедии Эрша и Грубера (1828) в статье

«Тоска по родине» повторяются давние точки зрения и к тому же рассказывается, что в 1813 г. при осаде Майнца свирепствовала эпидемия тифа в сочетании с тоской по родине, которая значительно усугублялась последней.

Кроме этих кратких статей десятилетия после публикаций Blumenbach в Германии не появлялось сочинений о тоске по родине. Во Франции, напротив, появляются диссертации по этому предмету. Большинство их недоступно изучению. Для полноты материала они приводятся в библиографии. Только в 1821 г. появилась многократно упоминаемая работа известного врача Наполеона Ларрея «О местонахождении и последствиях болезни тоски по родине», которая благодаря двукратному переводу на немецкий язык снова подняла тему ностальгии.

Ларрей собрал свой материал во время многочисленных кампаний Наполеона, в особенности, во время русского похода. Из его историй болезни нашему зрению представляется слабое отражение огромных страданий, жертвами которых пало тогда бесчисленное количество людей. Ларрей утверждает, что как у всех сумасшедших, так и у больных тоской по родине появлялись отклонения от норм сначала психических функций, затем функций чувств и произвольных движений. На пике психического помешательства больные видят на чужбине восхитительные картины родины, какими бы суровыми они на самом деле ни были. По их высказываниям, их родные и друзья предстают в богатых платьях и с самыми приветливыми выражениями лиц. Болезнь протекает в три стадии: первая — возбуждение, повышение тепла в голове, учащенный пульс, беспорядочные движения, покраснение конъюнктивы, блуждающий взгляд, торопливый и небрежный разговор, зевание, вздохи, запор, опоясывающая боль; вторая — тяжесть и чувство гнета во всех органах, желудок и диафрагма испытывают определенную слабость, симптомы желудочно-кишечного воспаления, усиливается лихорадка; третья — слабость, общий упадок сил, печаль, стоны, слезотечение, отвращение к продук-

там питания и чистой воде, постепенное угасание жизненной силы или самоубийство. Таким образом Ларрей видел при отступлении из Москвы кончину большого числа своих спутников. В результате вскрытия он обнаружил: поверхность мозга, мягкая и паутинная оболочки мозга воспалены, покрыты гноем, мозговая субстанция отекала и тверже, чем обычно. Артерии заполнены черной жидкой кровью. В качестве вторичных признаков он рассматривает переполнение легких, расширение сердца, растяжение желудочно-кишечного тракта газом и покраснение слизистой. В той же работе он описывает некоторые ранения головы и находит сходство между их последствиями и болезнью тоски по родине.

Свой период работы Ларрея в журнале Фридриха (1830) Амелунг сопровождает некоторыми критическими замечаниями. По его мнению, тоска по родине, по Ларрею, может полностью раствориться в двух болезнях: нервной лихорадке и меланхолии. Это, якобы, причины этих болезней так же, как и другие огорчительные аффекты, например, муки любви, а не собственно болезнь. Кроме того, тоска по родине может являться симптомом любой другой болезни. «Каждый, кто уже однажды заболел серьезно на чужбине, согласится со мной, что никогда не ощущаешь большей тоски по родине, чем когда себя плохо чувствуешь, и что такая тоска усиливается в той мере, в какой тяжелее болезнь, в то время как в дни хорошего самочувствия она, возможно, совсем незнакома». То есть тоску по родине нужно рассматривать не как *Moubes genuinus*, а только или как причину, или как симптом нервной болезни.

Мнения Амелунга придерживается Жорж (1831). Тоска по родине — не болезнь, а только причина различных аффектов, лечение которых даже может быть независимым от того обстоятельства, которое дало повод для их возникновения.

Примечательную противоположность таким критическим замечаниям составляет взгляд Фридриха, относя-

щийся примерно к тому же времени (Handbuch der gerichtl. Psychologie. Leipzig, 1835). При объяснении склонности к поджигательству он считает, что и ностальгия имеет сходную природу. Обитатель гор, который преимущественно подвержен тоске по родине, является моральным и духовно более сильным человеком, которым он становится благодаря преобладающему влиянию света и кислорода в горах. Перемещенный в долину, он разом вырывается из своих идейных потенциалов господствующей световой среды, и таким образом тоска по родине представляет собой не что иное, как тоску по родному свету. Отсюда и многие поджоги вследствие ностальгии.

В последующее время появляются три большие обобщающие работы: Шлегеля (1935), Цангерля (1-е издание — 1820, 2-е — 1840) и Ессена (1841). Собраны многие сведения более ранних авторов, добавлены некоторые новые, однако не всегда достаточно критично. Существенный прогресс этих работ, видимо, можно рассматривать в том, что они делают серьезную попытку получить более обстоятельное, детальное психологическое понимание состояния тоски по родине.

Сочинение Шлегеля переполнено поэтическими местами, он подробно занимался тоской по родине различных народов¹⁰ и солдат¹¹. Он освещает также и судебные вопросы. Новое, что он предлагает, — попытка психологического взгляда на это. После некоторых замечаний, что врач никогда не поднимется над общим уровнем, если неустанно не исследует психологию в тесной связи с физиологией как основополагающей наукой его обучения, он подчеркивает, что причина болезни тоски по родине единственно в том эмоциональном состоянии души, которое мы называем тоской, и не может заключаться в недостатке привычного горного воздуха и инстинктивном предпочтении родины. Воздействие на тело является воздействием неудовлетворенной тоски вообще, но не все люди имеют склонность впадать в состояние тоски. «Как же теперь объяснить истоки любви к родине, тогда как она не

является настоящим инстинктом, так же как и одним плодом привычки, еще меньше следствием размышления? Любовь к родине имеет свои первые зародыши в первых чувствах и представлениях в юношеском возрасте. Так же, как в это время все окружение оказывает на нежный нрав, на ранимое чувство, на оживленную силу воображения более глубокое, более неизгладимое впечатление, чем в более поздние годы, так опять-таки молодой человек как бы вживается более глубоко и искренне во все свои окружения. Он оживляет все, даже неживое, своим воображением. Он играючи заключает дружбу как с игрушками, так и с кустарником, жилищами, горами и другими уголками природы. У каждого времени суток, каждого времени года, каждого занятия дома и вне дома он подслушивает их внутреннюю природу, их нежнейшую привлекательность, которая взрослыми едва ощутима. Подобно одухотворенному растению, он своей душой пускает корни и усы во все и вокруг всех вещей своего юного мира. Он растет в известной степени вместе с тем, что его окружает, и становится с ним единым целым. Поскольку все его существо ластится ко всему нежнейшим образом, все здесь также полностью созвучно его существу. Но чем старше становится человек, тем больше он «оттесняется» к себе подобным: у него появляются знакомые и друзья, теперь он ближе с ними, чем с мертвыми неодушевленными предметами, временами и обстоятельствами. Он не может больше предаваться играм и мечтам, у него много забот, которые делают его равнодушным к окружающей его природе. Он не замечает многого, во что ребенок детально вникает и наблюдает; то, что его окружает, производит менее глубокое впечатление. Но первые впечатления более раннего времени еще не угасли и не гаснут, даже если и тускнеют. Они не могут совсем исчезнуть, так как имели самое богатое последствиями влияние на остающееся душевное состояние и последующее направление духа, и взрослый вырастает только таким, каким он становится в нежном начале жизни и первой собственной инициативы. Поэто-

му у него остается и в более поздние годы, часто без его ведома, пристрастие к тому, что ему глубоко нравилось в самый ранний период жизни. Поэтому он может найти в последующие годы на чужбине более привлекательную, красивую природу, но она захватывает его меньше, чем природа родины, с которой слито все его существо. Так мы объясняем себе, почему у стариков сильная тоска по местам их детских игр, и у людей при виде местности, где они провели свою юность, возникает чувство, которое не поддается описанию и не может сравниться ни с одним другим чувством».

В своей книге Цангерль (была доступна мне только в дополненном издании 1840 г.) не отказывается от поэтических толкований и дополнений, но он в этом существенно сдержаннее Шлегеля.

Юные чувствительные индивиды особенно предрасположены к ностальгии. Эту болезнь он не относит, как большинство авторов, к меланхолии, а рассматривает ее как нечто особенное и из-за вида объекта печальной страсти, и из-за ужасной силы и ее разрушительного влияния на здоровье.

Он противопоставляет ностальгию аподемиальгии (охоте к перемене мест).

Ностальгию можно подразделить на первоначальную (возникшую у здоровых) и производную (вытекшую из других болезней), на психическую и соматическую и сложную, на очевидную, скрытую и симулированную.

В качестве предвестника простой очевидной тоски по родине может выступать лунатизм. Тиролеццы видели при лунатизме родину и тремя месяцами позже попадали в больницу с ностальгией. (То же наблюдалось по данным Эссена Айсфердинком.)

Симптомы развиваются следующим образом: больной охотно говорит о своей родине или, наоборот, скуп на слова, серьезен, задумчив и печален. Сначала он едва решается признаться самому себе в причине своих страданий и старается всерьез совладать с ними. Ему представ-

ляется, что он снова узнает голоса любимых в голосах окружающих его людей. Он страдает бессонницей. Если же он засыпает, ему видится во сне его семья, и он переживает счастливые дни прошлого, чтобы при пробуждении погрузиться в еще более глубокое море печали. Он становится чувствительным, с неудовольствием терпит мелкие насмешки и неприятности. Он ищет одиночества, все остальное ему безразлично. Его молчание только иногда прерывается глубоким вздохом и стоном.

К психическим симптомам давно присоединились телесные. Они протекают в три стадии. В первой можно заметить печальный взгляд, бледные щеки, но психические симптомы заметны все же больше. Во второй — понижается аппетит, наблюдается изнуренный вид, мучительное и плохое пищеварение; секреция и экскреция нарушены; вялый пульс, пульсирующее ускоренное сердцебиение, понижение температуры, похудание, общий упадок сил. В третьей стадии появляются изнурительная лихорадка, истощение и понос. Потом водянка часто приводит к смерти. И даже при смерти больной думает о своей горячо желанной родине.

Цангерль кратко, согласно своей классификации, описывает другие виды тоски по родине, рекомендует, например, при скрытой ностальгии наблюдение, при симулированной — напоминает слова Сенеки «*curae leves loquuntur, ingentes stupent*¹²». При сложной он отмечает, что болезненная тоска по родине отличается от нервной лихорадки невероятно быстрым выздоровлением, которое наступает при появлении надежды вернуться на родину.

По Цангерлю, возникновение ностальгии лежит в духе истинно интеллектуальной психологии: сначала затрагивается сила воображения, через нее — чувственная сфера, наконец — сила желаний. Больной становится сначала задумчивым, сравнивает свое сегодняшнее положение с прежним, на родине, и приходит к заключению, что это предпочтительнее того. Вследствие такого представления и неприятных впечатлений, которые он получает на чуж-

бине, пробуждается сила чувств: он чувствует, что всего, что было дорого его сердцу и давало пищу, теперь недостает, — и отсюда затем возникает горячее желание вернуться в свое прежнее родное счастье. Если это желание не находит удовлетворения, следуют физические страдания.

Если больной однажды признал преимущества родины перед чужбиной, то работа силы воображения приобретает более одностороннее направление: воспроизводятся только те картины, которые имеют отношение к отечеству. Из-за этого заболевания он становится как бы недоступным для всех других физических и душевных впечатлений. Рассудок заторможен. Эта односторонние представления, имеющие такую природу, постепенно вызывают душевное состояние, в котором больной расстроен, печален, угрюм, у него осталось только лишь чувство родины, он не принимает участия ни в каких удовольствиях, ищет одиночества.

Вся деятельность силы желаний побуждается только доминирующим представлением и силой господствующих чувств и направлена на исполнение единственного желания, а именно: вернуться домой, даже если ему грозят смерть или вечное заточение.

Вторично затрагивается тело. Из-за беспрестанно односторонней работы души появляются бессонница, усиленное мечтание, приливы крови к голове, головные боли. Из-за силы подавляющих чувств снижается жизненная сила всей сосудистой и нервной системы. «Чем больше сила воображения своей напряженной работой притягивает к себе нервную силу, тем больше последняя антагонистично оттягивается от более крупных нервных сплетений нижней части живота, этим также приводятся в беспорядок все дела репродукции».

Другие взгляды на возникновение ностальгии (Хофер, Шойхцер, Ларрей) он отвергает.

В дальнейшем Цангерль перечисляет некоторые возбуждающие причины, так как тоска по родине нередко дремлет, как огонь под пеплом, и невероятно, какого ма-

лейшего повода часто бывает достаточно, чтобы она загорелась ярким пламенем. Такими возбуждающими моментами являются неожиданные впечатления, которые будят воспоминания о родине, письмо, встреча с земляками, вид национальной одежды, животных его родины. «Но ни одна из возбуждающих причин не действует с таким магическим волшебством, как музыка отечества». У швейцарцев это — альпийская песня, у тирольцев — пение с перебивками и коровьи колокольчики, у жителей г. Штайера — антифонное пение в горах, у шотландцев — волынка.

Тот факт, что северные и горные народы больше всех подвержены ностальгии, снова дает повод для психологического толкования. «Психическая причина лежит в неодинаковом развитии душевной деятельности этих народов. Каждый человек испытывает потребность психической деятельности. Его душа требует пищи. Если его рассудок развит, его душе никогда не недостает нового материала для работы с наибольшим наслаждением. Также у его силы воображения, если она развита и удовлетворяется в надлежащем направлении, имеется в распоряжении необъятное поле для все новых соблазнов и наслаждений. Но теперь мы видим, что разум жителей северных местностей и высоких гор, в общем, не развит в том направлении, чтобы найти привлекательность в более высоком занятии ума. В противоположность этому в самой ранней юности для него чувства — главное наслаждение жизни. Он живет особняком, и его сердце привязано только к его семье, его стадам, лугам и Альпам, этим единственным предметам его любви, внимания и доверия. Они образуют исключительный круг его представлений, ощущений и желаний. Они неизгладимо отпечатываются в его ограниченном воображении и образуют сумму незаменимого наслаждения жизнью.

Когда человек такого рода вырывается из маленького круга своей семьи, из лона одинокой и простой жизни, он не в состоянии вжиться в новые отношения, понять и переработать чужие реалии. С другой стороны, он лишен